

DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2192](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2192)

В. И. Корсунова, О. В. Волченко

ЭФФЕКТ ИНТЕРВЬЮЕРА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ОЦЕНКА ИДЕАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Правильная ссылка на статью:

Корсунова В. И., Волченко О. В. Эффект интервьюера и гендерное равенство: оценка идеального возраста жизненных событий в странах Европы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 197—217. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2192>.

For citation:

Korsunova V. I., Volchenko O. V. (2023) Interviewer Effect and Gender Equality: Ideal Age for Life Events in European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 197–217. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2192>. (In Russ.)

Получено: 09.02.2022. Принято к публикации: 08.11.2023.

ЭФФЕКТ ИНТЕРВЬЮЕРА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ОЦЕНКА ИДЕАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

ВОЛЧЕНКО Олеся Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ovolchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2595-8069>

Аннотация. В статье рассматривается связь характеристик интервьюера и ответов на гендерно окрашенные вопросы в странах с разным уровнем гендерного равенства. В научной литературе можно выделить два основных подхода к объяснению эффекта интервьюера: модель социальной атрибуции и модель социальной дистанции. Согласно первому подходу, респонденты меняют ответы в зависимости от характеристик интервьюера; второй же подход предполагает также учет разницы в социальных характеристиках респондента и интервьюера. В представленном исследовании рассмотрены эффекты пола интервьюера (модель социальной атрибуции) и разницы в возрасте респондента и интервьюера (модель социальной дистанции) на оценку

INTERVIEWER EFFECT AND GENDER EQUALITY: IDEAL AGE FOR LIFE EVENTS IN EUROPEAN COUNTRIES

Violetta I. KORSUNOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

Olesya V. VOLCHENKO¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: ovolchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2595-8069>

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the relationship between interviewer characteristics and responses to gender-specific questions in countries with different levels of gender equality. Existing literature provides two main approaches to explaining the interviewer effect: the social attribution model and the social distance model. According to the first approach, respondents change their answers depending on the characteristics of the interviewer; the second approach additionally considers the difference in the social characteristics of the respondent and the interviewer. This study examines the effects of the interviewer' gender (social attribution model) and the age difference between the respondent and the interviewer (social distance model) on the assessment of the ideal age for demo-

идеального возраста для различных событий в жизни женщин и мужчин. На основе данных девятого раунда Европейского социального исследования показано, что разница в оценке идеального возраста наступления демографических событий в жизни мужчин и женщин оказывается больше, если опрос проводится женщиной. В то же время данный эффект менее выражен в странах с высоким уровнем гендерного равенства. Кроме того, возраст, указываемый в качестве идеального для жизненных событий, оказывается меньше при большей разнице в возрасте респондента и интервьюера, и данный эффект остается схожим во всех исследуемых странах. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости учета характеристик интервьюера при анализе опросных данных.

Ключевые слова: эффект интервьюера, сравнительные исследования, гендерное равенство, возраст наступления жизненных событий

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Введение

Взаимодействие интервьюера и респондента, а также влияние этого взаимодействия на результаты опросов широко обсуждаются в литературе, посвященной методологии социологических исследований [Журавлева, 2009; Мягков, Журавлева, 2004; West, Blom, 2017]. Искажения результатов, вызванные эффектами интервьюера, особенно проблематично оценить в силу того, что они не предполагают каких-либо конкретных техник контроля. Кроме того, затруднителен сбор данных, касающихся оценочных суждений [Журавлева, 2009; Himelein, 2016], зачастую являющихся основными исследуемыми феноменами. Помимо этого, на ответы респондентов влияют представления о социальной желательности, давление которых особенно сильно возрастает в ходе личных интервью [Caputo, 2017].

graphic events in the lives of men and women. Based on the European Social Survey's Round 9 data, the authors show that the difference in the assessment of the ideal age for the onset of demographic events in the lives of men and women is greater if the survey is conducted by a woman. At the same time, this effect is less pronounced in countries with high levels of gender equality. In addition, the age reported as ideal for life events is lower when the age difference between respondent and interviewer is greater, and this effect remains robust across all countries considered. The results of the study indicate the need to account for the characteristics of the interviewer when analyzing population survey data.

Keywords: interviewer effect, comparative studies, gender equality, age of life events

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Предыдущие исследования указывают на особое значение характеристик интервьюера. Респонденты имеют склонность изменять свои ответы в зависимости от представлений о социальном положении интервьюера. С одной стороны, интервьюируемые могут регулировать свои ответы в соответствии с их представлениями о мнении интервьюера (модель социальной атрибуции) [Журавлева, 2009], с другой — могут учитывать разницу между своими социальными характеристиками и характеристиками интервьюера и изменять ответы в случае, если различия оказываются большими (модель социальной дистанции) [Мягков, Журавлева, 2004]. В любом случае учет характеристик интервьюера — важная часть процесса оценки как систематических смещений при сборе данных, так и ошибки измерения в целом.

Несмотря на достаточную изученность обсуждаемой темы, можно отметить, что сравнительный анализ эффектов интервьюера встречается в исследованиях крайне редко. В частности, характер и величина подобных эффектов могут быть связаны с социальным, культурным и политическим контекстом общества, в котором проводится опрос. Культурные различия в восприятии отдельных феноменов определяют, какие темы будут считаться сенситивными в данном обществе, а значит, и какие мнения будут ожидаемы, исходя из тех или иных характеристик интервьюера.

В работе рассматривается влияние пола интервьюера, а также разницы в возрасте респондента и интервьюера на оценку идеального возраста для различных демографических событий в зависимости от уровня гендерного равенства в стране. Предполагается, что данные характеристики интервьюера связаны как с оценкой идеального возраста наступления демографических событий, так и с разницей в оценке идеального возраста наступления этих событий в жизни мужчин и женщин. В то же время ожидается, что гендерное равенство в стране должно нивелировать влияние интервьюера.

Эффекты интервьюера

Эффекты интервьюера представляют собой особую проблему при проведении опросных исследований, так как они приводят к искажению получаемых данных. Изучение роли эффекта интервьюера занимает важное место в исследованиях, посвященных модели общей ошибки исследования. Эффекты интервьюера всеобщности: они могут проявляться в ошибке покрытия, в вероятности отказа от ответа, ошибке измерения и ошибке обработки [West, Blom, 2017]. В частности, даваемые респондентами ответы связаны с установками, поведением, опытом и ожиданиями интервьюеров [Blom, Korbmacher, 2013]. Эффекты интервьюера можно разделить на прямые и скрытые [Dijkstra, 1983]. К первым относятся явные действия интервьюеров, которые могут повлиять на ответы: наводящие вопросы, неточности в воспроизведении вопросов, пропуски вопросов и т.д. Несмотря на очевидные проблемы, которые приносят подобные искажения, данный вид эффектов может быть проконтролирован. В то же время скрытые эффекты интервьюера подразумевают искажения, связанные с наличием интервьюеров как таковых. Данный вид эффектов вызывает значительно больше сложностей, так как полученные искажения в ответах практически невозможно выявить [Schnell, Kreuter, 2005; Conrad et al., 2020].

Одна из причин появления скрытых эффектов — социальная желательность: респонденты склонны давать ответы, которые, по их мнению, больше одобряются

обществом [Tourangeau, Smith, 1996]. Например, в опросах оказывается больше людей с высоким доходом, что сказывается на результатах дальнейшего анализа [Hariri, Lassen, 2017], а в переписи населения — на порядок больше замужних женщин, нежели женатых мужчин [Краснова, 2008]. Помимо этого, социальная желательность затрудняет проведение опросов, затрагивающих чувствительные темы: респонденты с большей вероятностью дадут более желательный ответ или откажутся отвечать на вопрос [Tourangeau, Yan, 2007; Villarroel et al., 2008].

Данной проблеме посвящено множество работ. В частности, исследователи уделяют особое внимание различиям в ответах на вопросы, измеряющие ценностные ориентации, в том числе связанные с установками по поводу гендерного неравенства. Во многих культурных контекстах подобные вопросы затрагивают сенситивные темы, что приводит к большему количеству отказов давать ответ, а также искажениям, вызванным социальной желательностью. Примечательно, что в зависимости от воспринимаемой респондентами нормы ответы могут оказаться как более либеральными, так и более консервативными.

Между тем не только само по себе присутствие интервьюера оказывает влияние на ответы — его характеристики также детерминируют демонстрируемые респондентом социальные установки. С точки зрения модели социальной атрибуции респонденты изменяют свой ответ в зависимости от социальных черт интервьюера [Журавлева, 2009]. Данный феномен давно известен и связывается с так называемой солидарностью: респонденты склонны подстраивать свои ответы под те, что, по их мнению, будут более желательны с точки зрения интервьюера [Fowler, Mangione, 1989]. Данная проблема характерна для вопросов, связанных с субъективной оценкой различных феноменов [Himelein, 2016], что особенно важно при анализе ценностных установок. Например, результаты предыдущих исследований по теме показывают, что на вопросы о гендерном равенстве интервьюеры-женщины по сравнению с интервьюерами-мужчинами получают более эгалитарные ответы [Huddy et al., 1997; Kane, Macaulay, 1993]. Пол интервьюера оказывается важным параметром не только при прямой оценке гендерных установок, но и при оценке взаимоотношений. Например, респонденты склонны более положительно отзываться о брачных отношениях, если опрос проводится женщиной [Liu, Stainback, 2013].

Кроме того, в литературе выделяют модель социальной дистанции [Журавлева, 2009; Мягков, Журавлева, 2004], согласно которой респонденты оценивают социальную дистанцию между собой и интервьюером и изменяют свои ответы, если воспринимаемая дистанция оказывается большой. В частности, исследования показывают, что респонденты, считающие интервьюера более образованным, нежели они сами, менее склонны отказываться отвечать на вопросы [Yang, Yu, 2008]. Кроме того, вышеупомянутые различия в ответах на вопросы о гендерном равенстве в большей степени наблюдаются в случае, когда женщины опрашивают мужчин [Benstead, 2014]. Помимо этого, есть свидетельства того, что большая разница в возрасте между интервьюером и респондентом приводит к более выраженным искажениям в ответах [Hu, 2021].

Исходя из результатов предыдущих исследований, можно сделать вывод о влиянии характеристик интервьюера на оценочные суждения. С учетом двух теоретических подходов к определению эффектов интервьюера в данной работе рассматри-

ваются как прямые эффекты (пол), так и различия в характеристиках респондента и интервьюера (разница в возрасте респондента и интервьюера).

Восприятие возраста и гендерное равенство

Социальная норма предполагает, что основные биографические события в жизни женщин происходят раньше, чем в жизни мужчин. Представления о том, что женщины взрослеют раньше, объясняют разными способами. Сторонники эволюционной теории пытаются объяснить различия в восприятии возрастов мужчин и женщин биологическими особенностями [Buss, Schmitt, 2011, 2019]. С точки зрения теории социальных ролей различия являются следствием гендерной социализации женщин и мужчин, предполагающей разные цели и установки для представителей разных полов [Wood, Eagly, 2002; Zentner, Mitura, 2012]. Вне зависимости от выбранного подхода можно ожидать, что идеальный возраст для различных событий в жизни женщин будет ниже, чем соответствующий возраст для мужчин. Вместе с тем стоит отметить, что различия в возрасте будут меньше в более гендерно эгалитарных обществах.

В то же время в литературе не утихают дебаты об определении и измерении гендерного равенства. Анализируя имеющиеся работы по теме, можно найти множество подходов, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Изучение гендерного неравенства затрагивает все сферы социологического анализа. Эта форма неравенства рассматривается в отношении социального класса [Wright, 2002], включая положение на рынке труда [Jenkins, 2004], образование [Riphahn, Schwientek, 2015], представленность в политике [Dahlerup, 2018; Van der Vleuten, 2007], возможности социальной мобильности [Gundert, Mayer, 2012; Leung, 2017]. Помимо традиционных стратификационных систем, внимание исследователей обращено также на более приватные формы неравенства, такие как распределение бытовых обязанностей [Балабанова, 2005; Калабахина, Шайкенова, 2019], подверженность насилию [Туркина, 2019], воспринимаемые образы и критерии оценки успешности жизненной траектории [Whelehan, 2014].

Выбор определенного подхода является сложной задачей. В данной работе в качестве меры гендерного равенства используется распространенность ценностей равенства в стране. Ценности равенства — одна из составляющих эмансипативных ценностей, рассматриваемых в рамках пересмотренной Кристианом Вельцелом теории модернизации [Welzel, 2013]. Эмансипативные ценности охватывают различные сферы общественной жизни и отражают степени автономии индивидов в принятии решений и противопоставляются консервативным установкам, предполагающим зависимость решений и поведения индивидов от устоявшихся традиционных представлений. Появление и распространение эмансипативных ценностей связаны с ростом экономического благополучия, при котором либеральные установки и ориентация на самовыражение оказываются более выгодными.

Большая распространенность эмансипативных ценностей в обществе свидетельствует о его культурной модернизации. В рамках данной концепции ценности равенства отвечают за измерение отношения населения к гендерному равенству в трех социальных аспектах — образовании, политической жизни и на рынке труда. Данный подход предполагает, с одной стороны, учет мнения населения, а с дру-

гой — демонстрирует культурный контекст, который определяет имеющиеся нормы и отражается на представлении о социальной желательности.

Данные и методы

В качестве основного источника информации для анализа мы использовали базу данных девятого раунда Европейского социального исследования (ESS Round 9, далее — ЕСИ), проведенного в 27 странах Европы в 2018 г.¹ Помимо содержательных переменных в девятом раунде ЕСИ представлена информация об интервьюерах, проводивших опросы. Таким образом, данные позволяют выявить различия в ответах респондентов в зависимости от характеристик интервьюера. В данном случае мы рассматриваем различия, связанные с полом и возрастом интервьюера. Для анализа была использована разница в возрасте между респондентом и интервьюером, которая рассчитывалась как разность в количестве лет между возрастом респондента и возрастом интервьюера. Таким образом, если данный показатель принимал отрицательные значения, респондент оказывался младше интервьюера; если же показатель был положительным, то респондент был старше интервьюера; ноль означает, что возраст респондента и возраст интервьюера совпадают.

В данной работе используются три зависимые переменные. Все переменные описывают возраст, который, по мнению респондентов, идеален для начала совместной жизни с партнером, вступления в брак и появления детей. Во время опроса респонденты были случайным образом разделены на две группы (split ballot technique), одна из которых оценивала идеальный возраст для женщин, а другая — для мужчин² [ESS Round 9 Source Questionnaire, 2018: 34]. Таким образом, одной из ключевых независимых переменных является оцениваемая группа. Кроме того, к основным независимым переменным относятся пол интервьюера и гендерное равенство в стране.

Гендерное равенство в стране в данном случае измеряется на основании распространности ценностей равенства [Welzel, 2013]. В первоначальном виде ценности равенства рассчитываются с помощью трех вопросов, однако в базах ЕСИ представлен только один из них (при этом лишь в восьмом раунде). Возможность использования только одного вопроса для измерения ценностей равенства объясняется тем, что ценностные установки суть аналитический конструкт — латентная переменная, являющаяся причиной значений наблюдаемых индикаторов³ [Coltman et al., 2008]. Наблюдаемые переменные в подобных конструктах считаются равнозначными и взаимозаменяемыми [Hanafiah, 2020; Simonetto, 2012].

Респондентов просили оценить, насколько они согласны с утверждением: «Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приеме на работу». Ответы фиксировались с помощью 5-значной шкалы, где 1 — «полностью согласен», а 5 — «совершенно не согласен». Также стоит отметить, что не все страны, участвовавшие в девятом раунде ЕСИ, также участвовали

¹ Все опросы проводились методом личных интервью с использованием планшета (Computer-Assisted Personal Interviews, CAPI). Во всех странах формировались случайные вероятностные выборки [Ghirelli et al., 2022].

² Применение такой техники связано с двумя факторами: во-первых, она позволяет уменьшить количество задаваемых одному респонденту вопросов [Liefbroer, Merz, 2009], во-вторых, таким образом достигался лучший уровень понимания вопросов респондентами [Billari et al., 2021].

³ В данном случае теоретическая модель предполагает, что установки относительно гендерного равенства являются причиной определенного уровня поддержки равенства на рынке труда, в образовании и политической сфере.

в восьмом раунде, поэтому для части из них данные были взяты из пятой волны Европейского исследования ценностей и седьмой волны Всемирного исследования ценностей⁴. С точки зрения теории и эмпирических наблюдений преобладающие ценности меняются за счет замещения поколений, что происходит крайне медленно и делает возможным использование данных более ранних опросов для анализа культурного контекста стран [Inglehart, Baker, 2000; Welzel, 2013; Akaliyski, Welzel, Hien, 2021; Inglehart, 2008; Inglehart, Ponarin, Inglehart, 2017]. Описательные статистики основных использованных переменных представлены в приложении 1.

Помимо основных переменных в анализе также были использованы несколько контрольных переменных, таких как пол респондента, возраст, количество лет, потраченных на образование, место жительства, а также группа дохода.

Основным методом анализа в данной работе стало многоуровневое регрессионное моделирование, позволяющее оценить связь между переменными индивидуального уровня, а также учесть характеристики исследуемых стран. Для каждой зависимой переменной были оценены четыре модели: 1) базовая модель с основными независимыми и контрольными переменными, 2) модель с эффектом взаимодействия между оцениваемой группой и полом интервьюера, 3) модель с эффектом взаимодействия между оцениваемой группой и разницей в возрасте респондента и интервьюера, а также 4) модель с межуровневым эффектом взаимодействия между полом интервьюера и гендерным равенством в стране. Изначально предполагалось также оценить модель с эффектом взаимодействия между разницей в возрасте респондента и интервьюера и гендерным равенством в стране, однако предварительный анализ показал, что влияние разницы в возрасте респондента и интервьюера является одинаковым во всех странах, а значит, не может быть связано с характеристиками страны⁵.

Результаты анализа

Характеристики интервьюера и оценка идеального возраста для различных событий

В таблице 1 представлены результаты многоуровневого регрессионного анализа, оценивающего представления об идеальном возрасте для начала совместной жизни с партнером. Идеальный возраст ожидаемо ниже для женщин, чем для мужчин. Помимо этого, в странах с большей распространенностью ценностей равенства идеальный возраст начала совместной жизни с партнером оказывается ниже (модель 1).

Кроме того, значимой оказывается и связь с разницей в возрасте респондента и интервьюера. Респонденты склонны указывать в качестве идеального более старший возраст, если разница в возрасте с интервьюером минимальна. При

⁴ Данные пятой волны ЕИЦ были взяты для Латвии, данные седьмой волны ВИЦ — для Кипра, Сербии, Словакии и Хорватии. Пятая волна ЕИЦ и седьмая волна ВИЦ были проведены в рамках соглашения о сотрудничестве [Proposed Cooperation Agreement... 2017]. В анкетах всех трех исследований использовались одинаковые формулировки вопроса о гендерном равенстве на рынке труда. Как и в случае с ЕСИ, в указанных странах использовалась случайная вероятностная выборка. См.: Joint EVS/WVS 2017—2022 Dataset (v4.0; Dec 14, 2022). World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp> (дата обращения: 10.12.2023).

⁵ Для всех зависимых переменных качество моделей с фиксированными и со случайными эффектами различается незначительно, ANOVA $p > 0,05$.

этом разница в идеальном возрасте для женщин и мужчин становится наибольшей, если респондент намного старше, чем интервьюер (модель 3); подробнее связь данных переменных представлена на рисунке 1.

Что касается пола интервьюера, то, во-первых, разница в оценке идеального возраста для женщин и для мужчин оказывается больше, когда опрос проводится женщиной (модель 2). Во-вторых, разница в ответах интервьюерам-женщинам и интервьюерам-мужчинам становится менее выраженной в странах с большей распространенностью ценностей гендерного равенства (модель 4). Иллюстрация данных результатов представлена на рисунках 2 и 3.

Таблица 1. Оценка идеального возраста начала совместной жизни с партнером (многоуровневая линейная регрессия)

	1		2		3		4	
Переменные	β	p	β	p	β	p	β	p
Константа	27,01	<0,001	26,94	<0,001	27,02	<0,001	25,47	<0,001
Оцениваемая группа (Ж)	-1,48	<0,001	-1,34	<0,001	-1,52	<0,001	-1,47	<0,001
Пол интервьюера (Ж)	0,06	0,166	0,17	0,005	0,06	0,168	2,00	0,035
Разница в возрасте	0,00	0,006	0,00	0,006	0,01	<0,001	0,01	0,002
Разница в возрасте, квадрат	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001
Равенство	-0,96	0,042	-0,96	0,042	-0,95	0,043	-0,57	0,249
Контрольные переменные	+		+		+		+	
Оцениваемая группа (Ж)* Пол интервьюера (Ж)			-0,22	0,008				
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте					-0,01	<0,001		
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте, квадрат					0,00	0,579		
Пол интервьюера* Равенство							-0,48	0,043
Случайные эффекты								
σ^2	11,14		11,14		11,13		11,11	
$\tau_{0\text{страна}}$	1,18		1,18		1,18		1,28	
$\tau_{11\text{пол_интервьюера}}$							0,23	
$\rho_{01\text{страна}}$							-0,30	
ICC	0,10		0,10		0,10		0,10	
N стран	25		25		25		25	
N наблюдений	27811		27811		27811		27811	
Предельный R ² / Условный R ²	0,066 / 0,156		0,067 / 0,156		0,067 / 0,157		0,066 / 0,158	

Далее рассмотрим оценку идеального возраста для вступления в брак (см. табл. 2). Эта оценка не связана с уровнем ценностей равенства в стране, но в то же время результаты моделирования свидетельствуют о наличии эффекта интервьюера. В частности, значимым фактором оказывается пол интервьюера: когда опрос проводится женщиной, респонденты склонны называть более поздний возраст в качестве идеального для вступления в брак. Вместе с тем данный эффект, как и в предыдущем случае, менее выражен в странах с высоким уровнем гендерного равенства (модель 8). При этом интервьюеры-женщины получают большую разницу в оценке идеального возраста вступления в брак для женщин и для мужчин (модели 5 и 6). Помимо этого, можно отметить значимый эффект разницы в возрасте респондента и интервьюера: идеальный возраст для вступления в брак становится меньше, когда разница в возрасте респондента и интервьюера оказывается большой. Кроме того, разница в представлениях об идеальном возрасте бракосочетания для мужчин и женщин становится наибольшей, когда респондент и интервьюер оказываются близки по возрасту (модель 7).

Таблица 2. Оценка идеального возраста вступления в брак
(многоуровневая линейная регрессия)

	5		6		7		8	
Переменные	β	p	β	p	β	p	β	P
Константа	26,33	<0,001	26,23	<0,001	26,36	<0,001	24,52	<0,001
Оцениваемая группа (Ж)	-1,87	<0,001	-1,70	<0,001	-1,95	<0,001	-1,86	<0,001
Пол интервьюера (Ж)	0,22	<0,001	0,35	<0,001	0,22	<0,001	2,47	0,005
Разница в возрасте	0,01	<0,001	0,01	<0,001	0,01	<0,001	0,01	<0,001
Разница в возрасте, квадрат	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001
Равенство	0,15	0,746	0,15	0,743	0,15	0,744	0,60	0,283
Контрольные переменные	+		+		+		+	
Оцениваемая группа (Ж)* Пол интервьюера (Ж)			-0,26	0,001				
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте					-0,01	<0,001		
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте, квадрат					0,00	0,021		
Пол интервьюера* Равенство							-0,55	0,013
Случайные эффекты								
σ^2	11,40		11,40		11,39		11,37	
$\tau_{00\text{страна}}$	1,19		1,19		1,19		1,61	
$\tau_{11\text{пол интервьюера}}$							0,20	
$\rho_{01\text{страна}}$							-0,61	
ICC	0,09		0,09		0,09		0,10	
N стран	25		25		25		25	
N наблюдений	29084		29084		29084		29084	
Предельный R^2 / Условный R^2	0,124 / 0,207		0,124 / 0,207		0,125 / 0,208		0,125 / 0,215	

Наконец, рассмотрим оценку идеального возраста для появления детей (см. табл. 3). Результаты моделирования для данного жизненного события в целом совпадают с результатами предыдущих моделей. Можно отметить, что идеальный возраст для женщин ниже, чем для мужчин, причем на этот раз разница составляет почти два года. Также анализ показал наличие эффекта интервьюера как в случае с полом интервьюера, так и в случае с разницей в возрасте респондента и интервьюера. При этом, как и ранее, разница в результатах, получаемых женщинами и мужчинами, меньше в более гендерно эгалитарных странах.

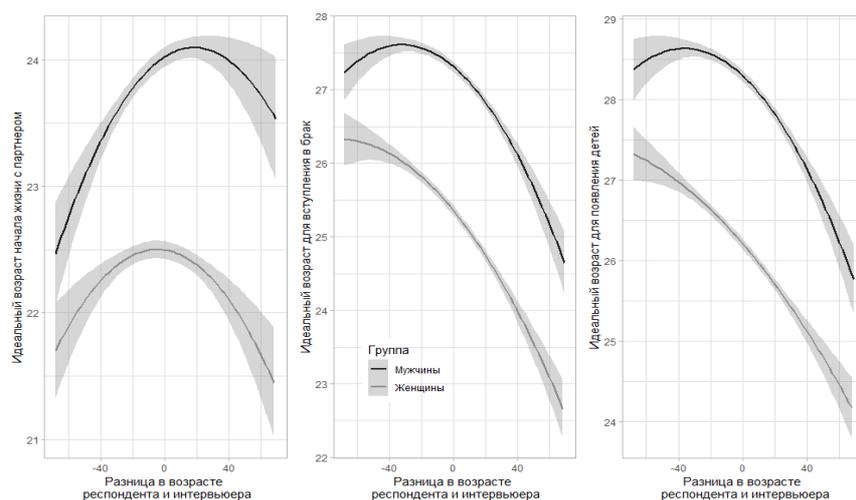
Таблица 3. Оценка идеального возраста для появления детей
(многоуровневая линейная регрессия)

Переменные	9		10		11		12	
	β	p	β	p	β	p	β	p
Константа	27,11	<0,001	27,02	<0,001	27,15	<0,001	24,89	<0,001
Оцениваемая группа (Ж)	-1,96	<0,001	-1,80	<0,001	-2,05	<0,001	-1,95	<0,001
Пол интервьюера (Ж)	0,17	<0,001	0,29	<0,001	0,17	<0,001	2,93	0,002
Разница в возрасте	0,01	0,003	0,01	0,003	0,01	<0,001	0,01	0,001
Разница в возрасте, квадрат	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001	-0,00	<0,001
Равенство	0,08	0,868	0,08	0,865	0,08	0,866	0,62	0,270
Контрольные переменные	+		+		+		+	
Оцениваемая группа (Ж)* Пол интервьюера (Ж)			-0,24	0,002				
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте					-0,00	0,007		
Оцениваемая группа (Ж)* Разница в возрасте, квадрат					0,00	0,005		
Пол интервьюера* Равенство							-0,67	0,004
Случайные эффекты								
σ^2	10,92		10,92		10,92		10,89	
$\tau_{0\text{страна}}$	1,15		1,15		1,15		1,66	
$\tau_{1\text{пол_интервьюера}}$							0,24	
$\rho_{01\text{страна}}$							-0,67	
ICC	0,10		0,10		0,10		0,10	
N стран	25		25		25		25	
N наблюдений	30653		30653		30653		30653	
Предельный R^2 / Условный R^2	0,127 / 0,210		0,127 / 0,210		0,127 / 0,210		0,128 / 0,219	

Таким образом, регрессионный анализ показывает наличие эффекта интервьюера в оценке идеального возраста для различных жизненных событий. Интервьюерам-женщинам называют более высокий возраст; в то же время большая разница в возрасте между респондентом и интервьюером, наоборот, приводит к заниженной оценке идеального возраста. Немаловажно также отметить устойчивость разницы в возрасте респондента и интервьюера: данный фактор оказывает сходное влияние во всех странах. В свою очередь, в отличие от возраста, размер коэффициента для пола интервьюера связан с уровнем ценностей равенства в стране: в более гендерно эгалитарных странах ответы респондентов в меньшей степени связаны с полом интервьюера. Рассмотрим эти результаты подробнее.

Связь разницы в возрасте респондента и интервьюера и оценки идеального возраста представлена на рисунке 1. На первом графике слева показаны различия в оценке идеального возраста для начала совместной жизни с партнером для женщин и мужчин в зависимости от разницы в возрасте респондента и интервьюера. Можно отметить, что и для мужчин, и для женщин называемый возраст увеличивается, если между респондентом и интервьюером разница в возрасте невелика. В то же время тренды для мужчин и женщин несколько различаются. Для женщин идеальный возраст оказывается ниже, если разница в возрасте респондента и интервьюера становится больше. Для мужчин связь иная: когда респондент младше интервьюера, с уменьшением разницы в возрасте называемый идеальный возраст увеличивается; когда же интервьюер младше респондента, оценка возраста становится значительно ниже. Тем не менее наблюдаемые флуктуации находятся в пределах 1,5 лет, поэтому эффект возраста интервьюера можно считать слабым.

Рис. 1. Оценка идеального возраста для различных событий в зависимости от разницы в возрасте респондента и интервьюера

Иную связь можно наблюдать в случае с анализом идеальных возрастов вступления в брак и для появления детей. В обоих случаях называемый идеальный

возраст наступления демографического события для женщин тем меньше, чем старше респондент по отношению к интервьюеру. В то же время для мужчин идеальный возраст снижается, только когда респондент старше интервьюера; в случае, если разница в возрасте невелика или респондент младше интервьюера, декларируемый возраст выше. Также стоит отметить, что наблюдаемые различия в оценке возраста охватывают несколько лет. Если молодого респондента опрашивает пожилой интервьюер, то идеальный возраст для вступления в брак для женщин составляет примерно 26 лет, а для мужчин — примерно 27. Если же пожилого респондента опрашивает молодой интервьюер, то для женщин идеальным возрастом оказывается 23 года, а для мужчин — 25 лет. Схожая ситуация наблюдается и для оценки идеального возраста для рождения детей. Если респондент намного младше интервьюера, то возраст для женщин составляет 27 лет, а для мужчин — 28 лет. Если респондент намного старше интервьюера, то возраст для женщин снижается до 24 лет, а для мужчин — до 26 лет.

Различия в оценке идеального возраста мужчин и женщин в зависимости от пола интервьюера представлены на рисунке 2. Можно отметить, что идеальным возрастом для женщин остается схожим в ответах как мужчинам, так и женщинам. В то же время идеальный возраст мужчин оказывается несколько ниже, если опрос проводится женщиной.

Рис. 2. Оценка идеального возраста для различных событий для мужчин и женщин в зависимости от пола интервьюера

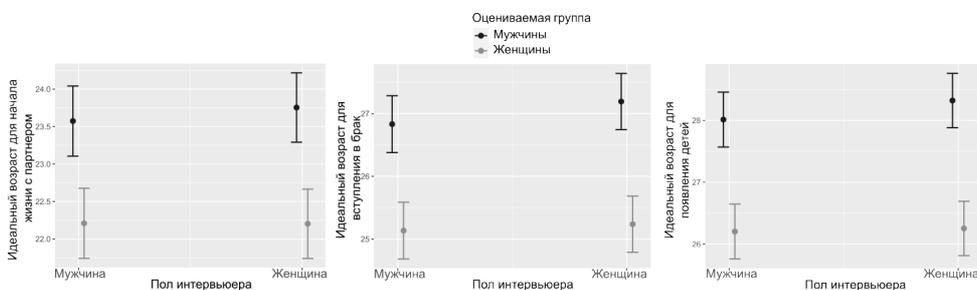
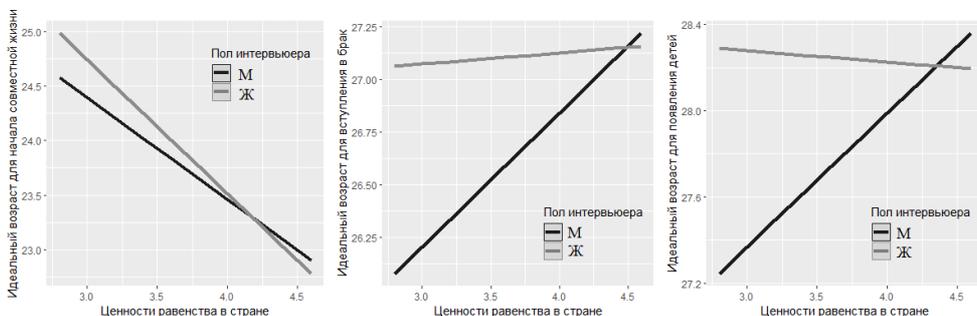

Рис. 3. Оценка идеального возраста для начала совместной жизни и появления детей в зависимости от пола интервьюера в странах с разной распространенностью ценностей равенства

Различия в коэффициентах для пола интервьюера в странах с разным уровнем ценностей равенства представлены на рисунке 3. Несмотря на различие в связи между оценкой идеального возраста наступления демографических событий и гендерного равенства в стране, во всех трех случаях в странах с большим гендерным равенством различия в ответах интервьюерам-женщинам и интервьюерам-мужчинам незначимы. Таким образом, с ростом гендерного равенства в стране пол интервьюера перестает быть значимым фактором.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о наличии эффектов интервьюера с точки зрения как модели социальной атрибуции, так и модели социальной дистанции. Характеристики интервьюеров, такие как пол и возраст, значимо сказываются на ответах респондентов. В частности, разница в оценке идеального возраста наступления всех изучаемых событий больше, если интервьюером была женщина. В то же время эффект пола интервьюера связан с оцениваемой группой и распространенностью ценностей равенства в стране опроса. Полученные различия между интервьюерами-женщинами и интервьюерами-мужчинами возникают при оценке идеального возраста различных событий в жизни мужчин, а не женщин. Кроме того, данная разница исчезает в странах с большим гендерным равенством.

Что касается возраста интервьюера, то эффект данной характеристики остается сходным во всех исследуемых странах независимо от распространенности ценностей равенства. Разница в возрасте между информантом и интервьюером приводит к различиям в оценке идеального возраста. Молодые респонденты, опрошенные пожилыми интервьюерами, склонны занижать оцениваемый возраст, так же, как и пожилые респонденты, опрошенные молодыми интервьюерами. В итоге характеристики интервьюера, определенные в рамках модели социальной дистанции, оказываются устойчивыми в различных культурных контекстах и требуют учета в ходе анализа.

Отдельно можно отметить различия в оценке идеального возраста для начала совместной жизни с партнером по сравнению с двумя другими событиями. В частности, в странах с большей распространенностью ценностей равенства идеальный возраст для начала совместной жизни ниже независимо от пола интервьюера. В случае с браком и рождением детей, наоборот, с увеличением поддержки гендерного равенства в стране идеальный возраст растет. Близость оценки идеального возраста всех трех событий в странах с более низким гендерным равенством и увеличение разрыва между идеальным возрастом для начала совместной жизни и вступлением в брак в более эгалитарных странах может свидетельствовать также о разнице в восприятии сексуальных отношений и их связи с брачным статусом. Кроме того, значительная схожесть результатов для возраста вступления в брак и рождения детей говорит о большей связанности этих двух событий по сравнению с началом совместной жизни.

Это исследование, как и любое другое, имеет ряд ограничений. Во-первых, мы не оцениваем одновременно эффект взаимодействия разницы пола и возраста респондента и интервьюера. Данный вопрос может быть рассмотрен в последующих

работах с применением иной методологии — например, с техник мэтчинга. Во-вторых, невозможно точно определить, каким именно типом ошибок модели общей ошибки исследования обусловлены выявленные различия в оценках идеального возраста. В-третьих, мы анализируем только европейские страны; в других регионах — в том числе с более высоким уровнем гендерного неравенства — результаты могут оказаться иными. В-четвертых, так как данные об оценке идеального возраста были полностью собраны в формате личных интервью (CAPI), нет возможности сравнить полученные результаты с набирающими популярность в сравнительных исследованиях онлайн-опросами, а также другими методами сбора данных.

Тем не менее данная работа показывает, что опросы, затрагивающие чувствительные темы, и особенно связанные с оценочными суждениями, требуют учета тех характеристик интервьюеров, что потенциально могут привести к искажениям в ответах респондентов. К сожалению, подобная информация нечасто предоставляется организаторами опросов и редко оказывается доступной исследователям. В то же время даже при наличии подобных данных они зачастую игнорируются, как и другая «техническая» информация о ходе опроса, вроде языка проведения интервью или его длительности. Однако игнорирование данных подобного рода при анализе чувствительных тем может быть оправдано только в некоторых странах.

Список литературы (References)

- Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 109—120.
- Balabanova E. S. (2005) Domestic Labor as a Symbol of Gender and Power. *Sociological Studies*. No. 6. P. 109—120. (In Russ.)
- Журавлева С. Л. Гендерные эффекты в телефонном интервью // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 44—56.
- Zhuravleva S. L. (2009) Gender Effects in Phone Interview. *Woman in Russian Society*. No. 4. P. 44—56. (In Russ.)
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>.
- Kalabikhina I. Ye., Shaikenova Z. K. (2019) Time Spent on Household Work: The Determinants of Gender Inequality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>. (In Russ.)
- Краснова Т. В. Гражданский брак и фактическое супружество // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 53—57.
- Krasnova T. V. (2008) Civil Marriage and Factual Conjugality. *Russian Juridical Journal*. No. 3. P. 53—57. (In Russ.)
- Мягков А. Ю., Журавлева И. В. Эффект ожиданий интервьюера в персональном интервью // Социологический журнал. 2004. № 3—4. С. 6—26.

Myagkov A. Yu., Zhuravleva I. V. (2004) The Effect of Interviewer's Expectations in a Face-to-Face Interview. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 6—26. (In Russ.)

Туркина Н. А. Влияние гендерных стереотипов на восприятие насилия в семье: региональный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4. С. 57—63.

Turkina N. A. (2019) Effects of Gender Stereotypes on the Perception of Domestic Violence: A Regional Aspect. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Science*. Vol. 14. No. 4. P. 57—63. (In Russ.)

Akaliyski P., Welzel C., Hien J. (2021) A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union. *Journal of European Integration*. Vol. 44. No. 4. P. 569—590. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1956915>.

Benstead L. J. (2014) Effects of Interviewer — Respondent Gender Interaction on Attitudes toward Women and Politics: Findings from Morocco. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 26. No. 3. P. 369—383. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edt024>.

Billari F. C., Badolato L., Hagestad G., Liefbroer A. C., Settersten R. A. J., Spéder Z., Van Bavel J. (2021) The Timing of Life: Topline Results from Round 9 of the European Social Survey. *European Social Survey Topline Results Series*. Vol. 11.

Blom A. G., Korbmacher J. M. (2013) Measuring Interviewer Characteristics Pertinent to Social Surveys: A Conceptual Framework. *Survey Methods: Insights from the Field*. <https://doi.org/10.13094/SMIF-2013-00001>.

Buss D. M., Schmitt D. P. (2011) Evolutionary Psychology and Feminism. *Sex Roles*. Vol. 64. No. 9. P. 768—787. <https://doi.org/10.1007/s11199-011-9987-3>.

Buss D. M., Schmitt D. P. (2019) Mate Preferences and Their Behavioral Manifestations. *Annual Review of Psychology*. Vol. 70. P. 77—110. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103408>.

Caputo A. (2017) Social Desirability Bias in Self-Reported Well-Being Measures: Evidence from an Online Survey. *Universitas Psychologica*. Vol. 16. No. 2. P. 245—255. <http://dx.doi.org/10.11144/Javeriana.upsy16-2.sds.w>.

Coltman T., Devinney T. M., Midgley D. F., Venaik S. (2008) Formative Versus Reflective Measurement Models: Two Applications of Formative Measurement. *Journal of Business Research*. Vol. 61. No. 12. P. 1250—1262. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2008.01.013>.

Conrad F. G., Schober M. F., Nielsen D., Reichert H. (2020) Virtual Interviewers, Social Identities, and Survey Measurement Error. In: Olson K., Smyth J. D., Dykema J., Holbrook A. L., Kreuter F., West B. T. (eds.) *Interviewer Effects from a Total Survey Error Perspective*. Boca Raton: CRC Press. P. 149—164. <http://dx.doi.org/10.1201/9781003020219-15>.

Dahlerup D. (2018) Gender Equality as a Closed Case: A Survey Among the Members of the 2015 Danish Parliament. *Scandinavian Political Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 188—209. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12116>.

Dijkstra W. (1983) How Interviewer Variance Can Bias the Results of Research on Interviewer Effects. *Quality and Quantity*. Vol. 17. No. 3. P. 179—187. <https://doi.org/10.1007/BF00167582>.

ESS Round 9 Source Questionnaire. (2018) London: ESS ERIC Headquarters. URL: https://stessrelpubprodwe.blob.core.windows.net/data/round9/fieldwork/source/ESS9_source_questionnaires.pdf (accessed: 10.12.2023).

Fowler Jr F. J., Mangione T. W. (1989) Standardized Survey Interviewing: Minimizing Interviewer—Related Error. Newbury Park, CA: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412985925>.

Ghirelli N., Lynn P., Dorer B., Schwarz H., Kappelhof J., van de Maat J., Kessler G., Briceno-Rosas R., Rød L.-M. (2022) ESS9 Overall Fieldwork and Data Quality Report. Mannheim: GESIS. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS9_Quality_Report.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

Gundert S., Mayer K. U. (2012) Gender Segregation in Training and Social Mobility of Women in West Germany. *European Sociological Review*. Vol. 28. No. 1. P. 59—81. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq048>.

Hanafiah M. H. (2020) Formative vs. Reflective Measurement Model: Guidelines for Structural Equation Modeling Research. *International Journal of Analysis and Applications*. Vol. 18. No. 5. P. 876—889. <https://doi.org/10.28924/2291-8639-18-2020-876>.

Hariri J. G., Lassen D. D. (2017) Income and Outcomes: Social Desirability Bias Distorts Measurements of the Relationship Between Income and Political Behavior. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 81. No. 2. P. 564—576. <https://doi.org/10.1093/poq/nfw044>.

Himelein K. (2016) Interviewer Effects in Subjective Survey Questions: Evidence from Timor-Leste. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 28. No. 4. P. 511—533. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edv031>.

Hu Ya. (2021) How Does Age Shape Social Interactions? Interviewer-Age Effects, Normative Age Distance, and Gender Attitudes. *European Sociological Review*. Vol. 37. No. 4. P. 673—693. <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa069>.

Huddy L., Billig J., Bracciodieta J., Hoeffler L., Moynihan P. J., Pugliani P. (1997) The Effect of Interviewer Gender on the Survey Response. *Political Behavior*. Vol. 19. No. 3. P. 197—220. <https://doi.org/10.1023/a:1024882714254>.

Inglehart R. F. (2008) Changing Values Among Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. Vol. 31. No. 1—2. P. 130—146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>.

Inglehart R. F., Ponarin E., Inglehart R. C. (2017) Cultural Change, Slow and Fast: The Distinctive Trajectory of Norms Governing Gender Equality and Sexual Orientation. *Social Forces*. Vol. 95. No. 4. P. 1313—1340. <https://doi.org/10.1093/sf/sox008>.

Inglehart R., Baker W. E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. P. 19—51. <https://doi.org/10.2307/2657288>.

Jenkins S. (2004) Gender, Place, and the Labour Market. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/97813511157643>.

Kane E. W., Macaulay L. J. (1993) Interviewer Gender and Gender Attitudes. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1086/269352>.

Leung M. W. H. (2017) Social Mobility via Academic Mobility: Reconfigurations in Class and Gender Identities Among Asian Scholars in the Global North. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 16. P. 2704—2719. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2017.1314595>.

Liefbroer A. C., Merz E.-M. (2009) Report on Analysis of ESS Data on Cross-National Differences in Perceived Norms Concerning Fertility-Related Behaviour. In: *REPRO Deliverable*. Vol. 16. No. 6. The Hague: Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute.

Liu M., Stainback K. (2013) Interviewer Gender Effects on Survey Responses to Marriage-Related Questions. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 77. No. 2. P. 606—618. <https://doi.org/10.1093/poq/nft019>.

Proposed Cooperation Agreement between the European Values Study and World Values Survey Association Regarding Joint Implementation of the Values Surveys in 2017 in Europe. (2017) *European Values Study*. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/wp-content/uploads/2018/09/mou-evs-wvs-15-2-2016-final-version.pdf> (accessed: 10.12.2023).

Riphahn R. T., Schwientek C. (2015) What drives the reversal of the gender education gap? Evidence from Germany. *Applied Economics*. Vol. 47. No. 53. P. 5748—5775. <https://doi.org/10.1080/00036846.2015.1058906>.

Schnell R., Kreuter F. (2005) Separating Interviewer and Sampling-Point Effects. *Journal of Official Statistics*. Vol. 21. No. 3. P. 389—410.

Simonetto A. (2012) Formative and Reflective Models: State of the Art. *Electronic Journal of Applied Statistical Analysis*. Vol. 5. No. 3. P. 452—457. <https://doi.org/10.1285/i20705948v5n3p452>.

Tourangeau R., Smith T. W. (1996) Asking Sensitive Questions: The Impact of Data Collection Mode, Question Format, and Question Context. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 60. No. 2. P. 275—304. <https://doi.org/10.1086/297751>.

Tourangeau R., Yan T. (2007) Sensitive Questions in Surveys. *Psychological Bulletin*. Vol. 133. No. 5. P. 859—883. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.5.859>.

Van der Vleuten A. (2007) The Price of Gender Equality: Member States and Governance in the European Union. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315554006>.

Villarroel M. A., Turner C. F., Rogers S. M., Roman A. M., Cooley P. C., Steinberg A. B., Eggleston E., Chromy J. R. (2008) T-ACASI Reduces Bias in STD Measurements: The

National STD and Behavior Measurement Experiment. *Sexually Transmitted Diseases*. Vol. 35. No. 5. P. 499—506. <https://doi.org/10.1097/olq.0b013e318165925a>.

Welzel C. (2013) *Freedom Rising*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139540919>.

West B. T., Blom A. G. (2017) Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. Vol. 5. No. 2. P. 175—211. <https://doi.org/10.1093/jssam/smw024>.

Whelehan I. (2014) Fiction or Polemic? Transcending the Ageing Body in Popular Women's Fiction. In: Whelehan I., Gwynne J. (eds.) *Ageing, Popular Culture and Contemporary Feminism: Harleys and Hormones*. London: Palgrave Macmillan. P. 29—46. https://doi.org/10.1057/9781137376534_3.

Wood W., Eagly A. H. (2002) A Cross-Cultural Analysis of the Behavior of Women and Men: Implications for the Origins of Sex Differences. *Psychological Bulletin*. Vol. 128. No. 5. P. 699—727. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.128.5.699>.

Wright E. O. (2002) A Conceptual Menu for Studying the Interconnections of Class and Gender. In: In Baxter J., Western M. (eds.) *Reconfigurations of Class and Gender*. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 28—38.

Yang M.-L., Yu R.-R. (2008) The Interviewer Effect When There is an Education Gap with the Respondent: Evidence from a Survey on Biotechnology in Taiwan. *Social Science Research*. Vol. 37. No. 4. P. 1321—1331. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.05.008>.

Zentner M., Mitura K. (2012) Stepping Out of the Caveman's Shadow: Nations' Gender Gap Predicts Degree of Sex Differentiation in Mate Preferences. *Psychological Science*. Vol. 23. No. 10. P. 1176—1185. <https://doi.org/10.1177/0956797612441004>.

Приложение 1. Описательные статистики

В таблице А1 представлено распределение средних значений основных переменных в исследуемых странах. Самый ранний идеальный возраст для начала совместной жизни наблюдается в Финляндии (20,6 года), в то время как самый поздний — в Италии (26,2). Схожие результаты касаются и идеального возраста вступления в брак: в Финляндии средняя оценка идеального возраста для данного события составляет 24,7 года, в Италии — 28 лет. Стоит также отметить разницу в возрасте для начала совместной жизни и возрасте вступления в брак: в Финляндии разница в возрасте между этими событиями составляет четыре года, а в Италии — меньше двух лет. Что касается идеального возраста для появления детей, то здесь самое низкое значение наблюдается в Латвии и Литве (в обоих случаях — 25,7 года), а самое высокое — в Швейцарии и Италии (28,9 года).

Если говорить о средних значениях ценностей равенства в стране, то самые высокие значения наблюдаются в Швеции (4,63 из 5 возможных) и Норвегии (4,6), а самые низкие — в Словакии (2,95) и на Кипре (2,98).

Что касается распределений характеристик интервьюера, то с точки зрения возраста интервьюера средние значения этого показателя значительно различаются между странами. Самые молодые интервьюеры были в Сербии (36,7 года) и Португалии (37,7 года), самые пожилые — в Швейцарии (62,4 года). Такие же серьезные различия можно наблюдать и в случае соотношения мужчин и женщин среди интервьюеров. В большинстве стран женщин среди интервьюеров больше, чем мужчин, за исключением пяти стран (Швейцария, Бельгия, Норвегия, Швеция и Германия). Больше всего мужчин среди интервьюеров в Германии (60,8%), в то время как в Литве доля мужчин составляет всего 7,1%.

Таблица А1. Средние значения основных переменных в исследуемых странах

Страна (количество респондентов)	Идеальный возраст для начала совместной жизни с партнером (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для вступления в брак (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для появления детей (среднее и стандартное отклонение)	Ценности равенства в стране (среднее)	Возраст интервьюера (среднее и стандартное отклонение)	Пол интервьюера (% мужчин)
Австрия (N = 2499)	23,2 (3,47)	26,5 (3,63)	27,1 (3,65)	4,03	53,4 (12,7)	42,0
Бельгия (N = 1767)	23,1 (3,31)	25,9 (3,40)	27,3 (3,61)	4,27	57,9 (12,9)	55,2
Великобритания (N = 2204)	21,3 (3,65)	25,0 (4,01)	26,3 (4,19)	4,29	58,8 (9,83)	48,0
Венгрия (N = 1661)	23,1 (3,47)	25,3 (3,35)	26,8 (3,83)	3,24	56,1 (11,3)	22,9
Германия (N = 2358)	23,0 (3,58)	27,0 (3,67)	28,0 (3,57)	4,12	60,9 (10,5)	60,8
Ирландия (N = 2216)	23,3 (4,11)	27,5 (4,00)	27,8 (4,23)	4,22	60,7 (9,45)	28,2
Испания (N = 1668)	24,4 (4,12)	27,3 (4,35)	28,4 (3,99)	4,42	53,1 (10,1)	32,8

Страна (количество респондентов)	Идеальный возраст для начала совместной жизни с партнером (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для вступления в брак (среднее и стандартное отклонение)	Идеальный возраст для появления детей (среднее и стандартное отклонение)	Ценности равенства в стране (среднее)	Возраст интервьюера (среднее и стандартное отклонение)	Пол интервьюера (% мужчин)
Италия (N=2745)	26,2 (5,29)	28,0 (4,09)	28,9 (4,10)	3,71	53,4 (10,9)	24,2
Кипр (N=781)	25,0 (3,36)	28,0 (3,28)	28,8 (3,17)	2,98	47,7 (15,6)	35,3
Латвия (N=918)	22,1 (4,07)	25,2 (3,87)	25,7 (3,75)	3,50	55,7 (11,9)	19,6
Литва (N=1835)	22,6 (3,30)	24,8 (3,18)	25,7 (3,18)	3,64	54,9 (8,47)	7,1
Нидерланды (N=1673)	23,4 (2,91)	26,9 (3,43)	28,3 (3,23)	4,37	55,2 (13,2)	44,9
Норвегия (N=1406)	22,5 (3,33)	26,4 (3,56)	26,8 (3,45)	4,60	41,1 (14,9)	57,0
Польша (N=1500)	23,3 (3,54)	25,2 (2,87)	26,0 (3,02)	3,96	50,3 (12,1)	39,1
Португалия (N=1055)	23,1 (3,77)	25,6 (3,96)	26,8 (4,00)	4,14	37,7 (13,0)	40,7
Сербия (N=2043)	23,7 (3,79)	25,5 (3,64)	26,5 (3,56)	3,31	36,7 (10,5)	28,5
Словакия (N=1083)	23,3 (4,18)	25,1 (3,78)	25,9 (3,57)	2,95	55,7 (9,70)	12,9
Словения (N=1318)	24,4 (3,59)	26,7 (3,42)	26,9 (3,30)	4,21	45,1 (11,3)	24,5
Финляндия (N=1755)	20,6 (2,91)	24,7 (3,70)	26,0 (3,59)	4,41	54,1 (7,98)	14,1
Франция (N=2010)	22,8 (3,63)	27,0 (4,15)	27,7 (4,23)	4,46	54,1 (9,51)	38,1
Хорватия (N=1810)	24,6 (4,22)	26,5 (3,80)	27,2 (3,71)	3,64	49,2 (15,3)	19,0
Чехия (N=2398)	23,2 (3,44)	26,4 (3,33)	27,3 (3,32)	3,71	44,4 (10,6)	33,6
Швейцария (N=1542)	24,0 (4,43)	27,7 (3,44)	28,9 (3,45)	3,97	62,4 (14,2)	54,2
Швеция (N=1539)	22,2 (3,87)	26,8 (3,92)	27,4 (3,78)	4,63	60,6 (8,69)	58,0
Эстония (N=1904)	22,3 (3,41)	25,2 (3,65)	26,0 (3,74)	3,85	57,0 (8,40)	16,8